

Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ

Новые вехи ¹ (о сборнике «Смена вех»)

Интеллигенция есть общественный слой, характерной чертой которого является то, что члены его — работники умственного труда.

То обстоятельство, что интеллигент — работник, казалось бы должно его сближать с другими работниками, с работниками физического труда, с пролетариатом. Но ряд обстоятельств мешает зачислить интеллигенцию в ряды пролетариата.

Прежде всего этому мешает то, что далеко не все интеллигенты являются *наемными* работниками. В качестве таковых работают учителя, низший медицинский персонал всяких больниц, фабрично-заводские и торговые служащие и т. п., но наряду с ними мы имеем такие категории интеллигенции, как адвокаты, врачи, живущие только своей практикой, литераторы и т. п. Они работают не по найму, а независимо от предпринимателя, получая вознаграждение за свой труд или прямо от того, кого они обслуживают, или от капиталиста, которому они продают не свою рабочую силу, а готовые плоды своего труда. Это сближает такие слои интеллигенции с ремесленниками, с мелкой буржуазией.

Пролетарии, рабочие физического труда, при капиталистическом строе неизбежно должны эксплуатироваться капиталом. Капиталистическое производство теряет смысл для владельцев фабрик и заводов, если они не будут выжимать из рабочих прибавочную ценность. Иначе обстоит дело с интеллигенцией. Работник умственного труда не творит ценности, а в таком случае нельзя из него выжать и прибавочную ценность. Поскольку интеллигенция работает в области производства, ее назначение помочь капиталисту повышать производительность труда рабочих или выполнять такие вспомогательные функции, без которых невозможна работа такого громадного

и сложного организма, как современное крупное капиталистическое предприятие. Увеличить путем поднятия техники производства и хорошей организации предприятия производительность труда рабочих, увеличить степень эксплуатации рабочих (главным образом, относительную прибавочную ценность) — такова роль интеллигента в капиталистическом предприятии. Конечно, капитал жестоко эксплуатирует широкие слои интеллигенции, интеллигентов, стоящих на низу лестницы. Но, во-первых, платя им ничтожное жалованье, он эксплуатирует их все-таки по-иному, чем наемных рабочих (не выжимает прямо из них прибавочной ценности, а только выделяет им слишком малую долю прибавочной ценности, а только выделяет им слишком малую долю прибавочной ценности, выжатой из рабочих, а, во-вторых, такая эксплуатация вовсе не обязательна для капиталиста. Капиталист охотно отказывается от всякой эксплуатации такого служащего, который оказывает ему большие услуги в деле эксплуатации рабочих. Более того, он охотно платит такому интеллигенту (инженер, адвокат и т. п.) громадное жалованье, делится с ним тем, что выжато из рабочего. Не даром Зомбарт² называет интеллигенцию «слугами капитала».

А из этого следует, во-первых, то, что интеллигенцию не только нельзя зачислить в ряды пролетариата, но, наоборот, верхи ее по своим интересам близко подходят к буржуазии, а подчас и тесно сливаются с нею. А во-вторых, то, что интеллигенция не заинтересована так, как пролетариат, в уничтожении капиталистического строя, в основе которого лежит выжимание капиталистом из рабочего прибавочной стоимости. Борьба за социализм не является классовой задачей интеллигенции. Классовые интересы толкают рабочего на непримиримую борьбу за социализм. Если же интеллигент становится социалистом, то не из-за классовых побуждений, а приводится сюда совсем другими путями. Его приводит к социализму или наука или нравственное чувство, не позволяющее примириться с жестокой, безжалостной эксплуатацией капитала.

На известной ступени промышленного развития интересы интеллигенции тесно связаны с интересами капитала. Развитие капиталистического производства в стране знаменует повышение техники производства, для чего требуется много инженеров, техников, бухгалтеров и т. п. Развитие капиталистического производства ведет к возникновению целого ряда интеллигентских профессий, косвенно обслуживающих капитал (судьи, адвокаты и т. п.) и к усложнению государственной машины, к сильному развитию бюрократии, что доставляет интеллигенции широкое поле для приложения ее труда.

С этой же точки зрения выгодна для интеллигенции завоевательная политика капитала: в покоренных странах интеллигенция находит для себя много выгодных профессий. Немудрено, что русская интеллигенция была поэтому такой яркой сторонницей империалистической войны, завоевания Дарданелл и т. п. До тех пор, пока капитализм идет по восходящей линии развития, интеллигенция стоит на его стороне, является верным «подданным» капитала.

Развитие капитала плохо мирится с голым, грубым самодержавием. Идеалом буржуазии является конституционный, парламентский строй. Интеллигенция со своей стороны не мирится с самодержавным, полицейским государством, которое грубо душит мысль (а интеллигент — работник в области мысли), которое боится просвещения, стремится держать народ в темноте и этим сокращает область приложения труда интеллигенции.

Немудрено, что интеллигенция пылко бросается в борьбу против самодержавия. В этом ею руководят групповые интересы. Но сил одной интеллигенции мало для этой борьбы. Для успеха ее она должна найти себе могучих союзников в среде многомиллионных масс трудового населения. Вся история русского революционного движения, поскольку оно питалось интеллигентской средой, — есть стремление найти себе таких союзников в среде то крестьянства, то пролетариата. Но чтобы увлечь эти слои, интеллигенты-революционеры должны выставить в своих программах требования, идущие гораздо дальше того, что требуется классовыми интересами самой интеллигенции. Крестьянству нужно взять землю у помещиков, и интеллигенты пишут на своих знаменах «Земля и воля»³ и «Черный Передел»⁴; рабочим нужен социализм, и интеллигенты рядятся в красивые красные одежды революционного социализма. Для интеллигентов-революционеров, остающихся насквозь буржуазными революционерами, важно увлечь в борьбу трудовые массы, а во время революции они, сильные своими знаниями и доверием масс, сумеют обмануть эти массы, сумеют ограничить их революционную энергию, направить ее в русло чисто буржуазной революции. Так было в Западной Европе; так надеялась сделать революцию и наша интеллигенция.

В 1905 году пришла эта революция. Она дала кое-что (хотя и не все) для буржуазии и интеллигенции. С другой стороны, рабочие и крестьянские массы обнаружили во время революции, что они не ограничатся тем, что нужно буржуазии и интеллигенции, что они «всерьез» вступают в борьбу за землю и революцию. При таких условиях продолжать дальше революционную борьбу стало делом рискованным для буржуазной интеллигенции. Выгоднее было примириться на том,

что дала революция 1905 года, перестать будить к революционной борьбе крестьян и рабочих и на почве завоеванного медленно, постепенно, осторожно «по малу, по полсаженки, низком перелетаючи» расширять права и власть буржуазии.

Раньше всех и яснее всех поняла опасность рабоче-крестьянской революции для буржуазной интеллигенции группа литераторов, раньше выступавших социалистами, а потом перекочевавших в лагерь правых кадетов. Эта группа в 1909 году выпустила сборник под заглавием «Вехи»⁵. В него входили статьи: П. Б. Струве, Бердяева, Булгакова, Гершензона⁶, Б. Кистяковского⁷, Изгоева⁸ и Франка⁹. Этот сборник произвел в свое время на интеллигенцию глубокое впечатление.

Перестаньте быть революционерами, перестаньте играть с огнем. Трудовой народ не помирится на вашей революции; он захочет идти дальше. Власти над ним во время революции вы иметь не будете, ибо народ ненавидит вас. *«Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одними своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»**. Таковы в коротких словах выводы авторов «Вех».

«Вехи» — это был манифест русской интеллигенции, ушедшей от революции и социализма, примиряющейся с царским самодержавием, как только оно сделало буржуазии кое-какие уступки.

Весь сборник «Вехи» ярко проникнут ярко буржуазной идеологией. «Веховцы» — это был авангард русской интеллигенции, открыто переходящей в лагерь буржуазии.

Я уже говорил, что интеллигенции выгодно развитие крепкой, сильной, сложной государственной машины. Ей выгодна завоевательная политика государства, ибо все это расширяет поле приложения труда интеллигенции. Поэтому «веховцы» являются фанатическими сторонниками сильной государственной власти и «Великой России».

Это преклонение перед «великодержавностью» принимает у них яркий мистический характер.

Появление «Вех» вызвало смятение в рядах русской интеллигенции. «Веховцы» слишком откровенно и прямо поставили вопрос о переходе в буржуазный лагерь и о примирении с царизмом, и этим слишком рано и слишком откровенно раскрыли карты буржуазной интеллигенции. Не говоря о журнальных статьях, в ответ «Вехам» были изданы два специальных сборника: один — эс-эрами («Вехи, как знамение времени») и другой — кадетами («Интеллигенция

* Фраза из статьи М. О. Гершензона в «Вехах».

в России»). Авторы обоих сборников, по-видимому, резко опровергали веховцев, но — как это ясно показали последующие события — по существу были вполне согласны с веховцами. В самом деле, вся думская деятельность кадетов была прямым примирением с самодержавием. Во время войны вся русская интеллигенция, до меньшевиков включительно, энергично поддерживала империалистическую политику самодержавия. Перед февральской революцией кадеты употребляли все усилия, чтобы предотвратить эту революцию, а с самого начала революции и кадеты, и меньшевики, и эс-эры поставили своей задачей ввести революцию в чисто буржуазные рамки, защитить буржуазную собственность, довести войну «до победного конца» и помешать трудящимся стать у власти. После октябрьской революции кадеты, эс-эры и меньшевики дружно объединились с царскими генералами в борьбе против крестьян и рабочих, комбинировали свою работу с работой этих генералов, входили в состав коалиционных белогвардейских правительств, в которых главной движущей силой были прогнанные из имений помещики, бывшие фабриканты, бывшие царские министры и генералы. Война и революция резко, ребром поставили вопрос о классовой борьбе, толкнули и увлекли всю русскую буржуазную интеллигенцию на тот путь, который за несколько лет до этого указывали авторы «Вех». По дороге, обставленной этими вехами, прошла вся русская буржуазная интеллигенция — и кадеты, и эс-эры, и меньшевики — в лагерь помещичье-буржуазной контрреволюции.

Все, что было в ее силах, делала интеллигенция в этой борьбе против русских революционных крестьян и рабочих. Она боролась против них забастовкой, а позже, с оружием в руках, она саботировала работу Советской власти, строила заговоры и т. п. Но все усилия ее были напрасны. Теперь она должна признать свое поражение в этой борьбе.

Поражение учит. Оно заставляет пересмотреть старые программы. Этим-то и занимается теперь русская интеллигенция на досуге за границей.

Особенно бурно происходит теперь этот процесс в рядах кадетской партии. Эта партия, пытавшаяся объединить в своих рядах и помещиков, и капиталистов, и интеллигентов, старавшаяся примирить интересы этих слоев и, обморочив трудовой народ, повести его за собой во время революции, естественно должна была скрывать свой классовый буржуазный характер. Она называла себя «внеклассовой партией». Но эта внеклассовая вывеска никого не обманула. Отсюда стремление у части кадетов, сохраняя свою классовую сущность, переменить вывеску, сблизиться на словах с крестьянством, чтобы попы-

таться опереться на наиболее кулацкие его элементы. Это — течение Милюкова. Не отрицая своей старой программы и тактики, Милюков находит только, что в настоящее время нужно изменить тактику борьбы, а для этого признать себя классовой демократической партией.

Эта «новая тактика» милюковцев вызывает резкий отпор в другой части кадетской партии, которая в борьбе против крестьян и рабочих еще теснее смыкается с буржуазно-помещичьими элементами. Резкая полемика, грызня, раскол, дробление на группы — вот чем характеризуется теперь жизнь потерпевшей поражение заграничной русской буржуазии и интеллигенции.

В этом процессе образования мелких партий и групп выделяется одно новое, очень интересное течение, представители которого выпустили недавно за границей сборник «Смена Вех»*.

«Итак, мы идем в Каноссу, т. е. признаем, что проиграли игру, что шли неверным путем, что поступки и расчеты наши были ошибочны», — пишет один из авторов «Смены Вех» — С. С. Чахотин — в статье, носящей характерное название «В Каноссу».

«Домой! В Россию! С сознанием, что перестроить ее посветлее и попросторнее можно, только считаясь с главным строительным материалом — «с народом», — пишет второй автор, Ю. Н. Потехин.

Этими двумя цитатами характеризуется основная мысль книги.

Авторы старых «Вех» пролагали путь для интеллигенции из лагеря революции в лагерь контрреволюции. Авторы новой книги хотят проложить новый путь, по которому интеллигенция должна вернуться к русскому революционному народу и дружно работать с ним.

Кто же такие эти новые веховцы? Что приводит их в ряды сотрудников Советской власти? Как они оценивают создавшееся положение? И какова судьба начинаемого ими движения?

Прежде всего заметим, что авторы книги — высоко квалифицированные интеллигенты. Трое из них (Ключников, Устрялов и Лукьянов) — профессора. Бобрищев-Пушкин — крупный адвокат. Даже известный фельетонист Александр Яблоновский, встретивший книжку злобной статьей в бурцевском «Общем Деле», озаглавил эту статью «Семь образованных мужчин». (Почему 7, когда в книжке только 6 авторов? — понять трудно. Очевидно, Яблоновскому надо было только хлестко выругать, и он не потрудился не только прочитать книжку и вдуматься в нее, но даже сосчитать число авторов и статей.)

* «Смена Вех». Сборник статей Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Прага. Июль 1921 года, 183 стр.

До революции и во время ее хода до последнего времени ни один из авторов не был в рядах революционеров. Наоборот, они были яркими контрреволюционерами. Проф. Устрялов был идейным вдохновителем Колчака в Сибири. Бобрищев-Пушкин сам рассказывает, как он перешел фронт и работал в рядах денкинцев.

Мало того: некоторые авторы книжки стремятся и сейчас доказать, что они были правы, что до сих пор нужно было бороться против большевиков и Советской власти. «Пока еще в начале революции, — пишет Ключников, — была надежда остановить революционный разлив, ... нельзя было не стремиться укротить революцию... Но революция идет и идет. Растет. Ширится. Углубляется» (46).

«Спрашивается, должна ли русская интеллигенция раскаиваться теперь в своих прежних действиях, — спрашивает С. С. Чахотин и отвечает: — Нет, кажется нам, не должна, так как — по всему — она не могла поступить иначе, чем поступила» (161).

Даже становясь теперь на сторону революционного народа, авторы книги имеют очень странное понятие о революции. Для них русская революция — не проявление борьбы классов, а нечто мистическое. «Мистика подлинная и глубокая — не раскрывалась ли и не раскрывается теперь во всем, что создало из России страну Советов, из Москвы — столицу Интернационала, из русского мужика — вершителя судеб мировой культуры», — пишет Ключников (стр. 8). «Русская интеллигенция уловит начало мистического (курсив как здесь, так и в предыдущей фразе принадлежит Ключникову) в государстве, проникнется мистикой государства», — говорит он на стр. 50. По его мнению, русского крестьянина и рабочего толкали на революцию не классовые интересы, а «мысль пострадать за рабочих и крестьян, за униженных и оскорбленных всего мира». Чисто по-русски — «пострадать» (40). Как близок этот язык к языку авторов «Вех».

Авторы «Смены Вех» остаются типичными русскими интеллигентами. Они по-прежнему думают, что интеллигенция — соль земли, что революцию сделали не трудовые классы, а интеллигенция. «Во время революции, — по мнению г. Ключникова, обнаружилась не борьба психологических антитез и антиподов-большевизма и анти-большевизма, — а борьба разных типов и окрасок в лоне одного и того же *интеллигентского* большевизма» (стр. 3) (Курсив мой. — Н. М.) Русская революция, говорит он на стр. 32-й, есть отчасти «интеллигентско-русская революция». Судьба революции всецело зависит от интеллигенции. «Пока существует такая русская интеллигенция, какова она сейчас, революция в России не может быть изжита» (стр. 33).

Авторы «Вех» употребляли все усилия, чтобы увести интеллигенцию с пути революции на путь мирного сотрудничества с самодержавием, ибо этим надеялись обессилить в корне революцию. Авторы «Смены Вех» идут в обратном направлении, но они также думают, что интеллигенция будет иметь решающее значение в революционной борьбе.

Авторы «Вех» были буржуазными либералами. За буржуазным либерализмом они видели будущее. Авторы «Смены Вех» тоже стоят пока на почве либерализма. Революция для них только предтеча либерализма. «Можно даже утверждать, — говорит г. Ключников, — что, переделывая все, великая русская революция впервые оказывается способной открыть пути для яркого и могучего русского либерализма» (43).

Нечего говорить о том, что ни в каком социализме, а тем паче в коммунизме, авторы «Смены Вех» не виноваты.

Авторы «Смены Вех» являются типичными националистами, мечтающими о сильной крепкой власти и о Великой России. Русская революция, по их мнению, глубоко национальна, в ней сказывается «дух славянофильства». «Россия должна остаться великим государством, великой державой» (57). Они горячо мечтают о «воссоединении окраин с центром» России. В своем национализме, в славянофильской отрыжке, в стремлении к великодержавности, авторы «Смены Вех» стоят также на одной почве со старыми «веховцами». Посмотрим теперь, как оценивают положение дел эти типичные, квалифицированные интеллигенты.

Когда началась русская революция? С прекрасных ли дней марта или с суровых дней октября?

Революция, это — могучее народное движение, когда народ проявляет свою волю, творит новую жизнь. Ничего этого в марте не было. Была кучка политиканов, которая хотела надуть народ. Эта кучка шумела и суетилась на политической арене. А неразобравшийся еще в обстановке народ «безмолвствовал». «Мне кажется, — пишет Ю. Потехин, — что в 1917 году в России вовсе не было политической революции... Только в октябре народ сознательно воплотил свою волю. Брестский мир и Ленин являются единственными подлинными завоеваниями революции» (стр. 171).

«На мартовской революции она (революция) остановиться не могла, — пишет Бобрищев-Пушкин. — Мартовская революция — жалкий полустанок, на котором стремительный курьерский поезд может стать лишь на две минуты, и затем несется дальше, до конечной станции. Совершенно естественно высшие классы остановились

на мартовской революции: они от нее получили все, что им было нужно — политическую реформу. И совершенно естественно, классы, одинаково обездоленные при монархии и республике, пошли дальше — до октябрьской, до экономической, до настоящей революции» (101–102).

«Октябрьская революция разрушила ту “политическую реформу”, которую дала мартовская революция. Но большую ли ценность представляла эта реформа? Она дала парламентаризм и всеобщую подачу голосов. Но «где то время, когда В. Гюго пел вдохновенный гимн парламентской трибуне. Кто теперь верит, что всеобщая подача голосов выявляет волю народа» (стр. 102). «Народные массы являются игрушкой в руках ловких политиков, достигающих всеобщим голосованием совершенно неожиданных для народа результатов. Для примера достаточно сослаться на наше Учредительное Собрание, оказавшееся явно неспособным выполнить свою миссию, явно несоответствующим воле народа, выбранным с явными злоупотреблениями и не поддержанное народом» (103). — «Когда низшие классы не имеют средств, чтобы привлечь к защите своих интересов интеллигенцию достаточной оплатой ее труда, так что интеллигенция находится в материальной связи с богатыми и правящими классами, от которых зависит писатель, адвокат, ученый; когда самые низшие классы не обладают достаточным образованием, чтобы разобратся в сложной политической обстановке, намеренно перед ними извращаемой и маскируемой, когда они не обладают средствами, чтобы нанять зал, заплатить типографии за набор газеты, брошюры или афиши, так что на одно их собрание или афишу их противники отвечают сотнями из собственных помещений, собственных типографий, то получается крайнее неравенство в политической борьбе, и равноправие граждан оказывается глубоким лицемерием. Но самое важное — правящие классы никогда не стесняются созданными ими же политическими правами и так называемыми свободами, чтобы просто не подтолкнуть руку судьбы, когда она выбрасывает неугодные им карты на зеленый стол политики». Но грянула октябрьская революция и «отвергается народом с иронией вся пышная либеральная идеология правового государства, украшенная роскошной живописью лучших интеллигентских умов. Все эти свободы хороши, но текли только по усам народа, не попадая в рот» (стр. 109).

Критика убийственная. Мало к ней может прибавить и коммунист, но исходит эта критика от чистокровных интеллигентов, вчера еще бывших в рядах либеральной интеллигенции, от людей, боровшихся

против революции, да и теперь, временами мечтающих о грядущем расцвете либерализма. Как только уживется их либерализм с этой критикой парламентаризма и буржуазных свобод?

Противники русской буржуазной революции обвиняют ее в том, что она разрушила культуру. Вот, что отвечает на это Бобрищев-Пушкин:

«Чтобы воскреснуть, культура должна умереть. В этом — ответ на вопли, что социальная революция разрушит культуру, что большевики разрушили ее в России. Не будем, чтобы не вызывать лишнего спора, говорить о том, что именно русская социальная революция проявила изумительно бережное и трогательное отношение к художественным ценностям, но твердо, как основную базу спора, выдвинем положение, что нельзя спора о культуре подменять спором о комфорте» (111).

Здесь г. Бобрищев-Пушкин бьет русских белогвардейцев не в бровь, а в глаз. Для них культура — это действительно комфорт. Революция отняла у них их богатства, лишила возможности вести приятную, роскошную жизнь, и они ненавидят за это революцию. Вот, например, напечатанное в «Последних Новостях» * письмо из Петербурга какого-то «журналиста-демократа».

«Соболя, бриллианты, жемчуга, обнаженные плечи — да неужели же это существует не в мечтах, а в действительности? И вы смеете этим возмущаться? И вам не стыдно сюсюкать, что на одно манто могло бы прожить целое бедное семейство? Большевики вы несчастные! С такого вот сюсюканья и расползлась по земле вся наша коммунистическая пошлятина. Разве вам еще не ясно, что одни обнаженные плечи прекрасной женщины представляют в миллион раз большую абсолютную ценность, чем все бедные и несчастные семейства в мире?»

Большевики культуру не разрушили. «Но по неумолимым социологическим законам каждому крушению рабства предшествует упадок основанной на нем культуры». Так было и с буржуазной культурой, которая «перестала давать свои плоды уже с конца века». «Эта культура родилась в 1789 году, состарилась к концу XIX века и убита в великой европейской войне» (114).

Недостаток места мешает мне привести ряд других интересных цитат, касающихся вопроса о культуре.

Коммунистов упрекают в том, что они установили суровую диктатуру, убили все свободы. Вот, что говорит об этом Бобрищев-Пушкин:

* Газета Милюкова, стремящегося теперь организовать крестьянско-кулацкую партию, которой руководили бы интеллигенты¹⁰.

«Что бы ни говорилось про коммунистическую диктатуру, нельзя отрицать, что народные массы таким строем местной жизни (советская децентрализация) привлечены к власти и работают в этих комиссариатах, управляя Россией». «С диктатурой, с суровой централизацией, без которой нельзя было бы и держаться в гражданской войне, своеобразно сочетается очень большая самодеятельность и автономия власти на местах, вышедшей из народа, ибо нельзя же думать, что коммунистов, «насильников», «ничтожной кучки» хватит на всю Россию» (116).

«Жаль, что интеллигенция, не оценив всего значения совершающегося на ее родине, уцепившись за отжившие демократические формулы, забастовкой отказала в своем сотрудничестве России именно тогда, когда оно было наиболее ценно. *Сколько эксцессов было бы смягчено и устранено, столько крови не было бы пролито*». «Можно, однако, даже при все извратившей забастовке интеллигенции, с уверенностью сказать, что советский строй, сравнительно с парламентаризмом — шаг вперед, ибо устраняет экономическое рабство»... «Каков ни есть этот строй, он нравственно сильнее своих противников». «За ним будущее, а они стремятся повернуть колесо истории» (117).

Советская власть была вынуждена на суровую диктатуру: «Вся доза свободы, которая была первоначально предоставлена интеллигенции, все время была использована для того, что юридически называется стремлением к низвержению существующего государственного строя. Какое правительство потерпело бы это? А советское терпело долго и, наконец, пришло к заключению, что примирение безнадежно, что ни на что другое, кроме борьбы с советской властью, интеллигенция свободы не обратит. Тогда со свободой было покончено. Долго шло колебание между террором и идиллией, такое характерное для революции вообще. Непримируемость интеллигенции и начавшаяся гражданская война уничтожили совсем идиллию и совсем разнуздали террор» (118).

Вопроса о диктатуре касается и другой автор — Ю. Потехин. «Только диктатурой, — говорит он, — можно властвовать в первый период революции. Только диктатурой можно сковать анархию и потенциальные возможности революции облечь в определенные формы государственности. В этом объяснение того, что большевики у власти удержались» (179).

Большевики лишили буржуазию тех свобод, которыми она пользовалась для борьбы против Советской власти. Но буржуазия, стоя у власти, всегда стесняет свободу трудящихся. «Дорожат ли во-

обще, — спрашивает Бобрищев-Пушкин, — правящие классы свободами не для себя — для низших классов, дорожат ли легальностью борьбы. Вспомните фразу Ольденбурга на Национальном съезде*: «Русское общество не должно рассчитывать на свободу, когда Россия восстановится. Еще, может быть, будет дана та доза свободы, которая была при Александре III, но речи не может быть о свободе, которой оно пользовалось в довоенное время». Итак, вот та «свобода», которую обещает русская контрреволюция в случае своей победы.

Революцию упрекают за казни. А вот как характеризует деятельность деникинцев Бобрищев-Пушкин:

«Первым моим впечатлением, когда я перешел фронт, готовый молиться на добровольцев и их трехцветный флаг, были рассказы офицеров, хваставшихся пытками, которым они подвергали пленных, и количеством расстрелянных» (119). «И какая партия теперь согласилась бы, принимая власть, отменить смертную казнь». Это было бы, говорит он далее, «наивной маниловщиной».

Русская пролетарская революция дерзко нарушила «священное» право собственности. В глазах контрреволюции — это величайшее преступление революции.

А вот как отвечают на это авторы сборника «Смены Вех».

«Или, действительно, можно трон разрушить, но не банки! Пишите против Бога — конечно, никакой революции. Пишите против властей — оппозиция. Пишите против капитализма — опаснейшая революция, каждое слово наливается красной краской. Здесь нападаешь на сильных. Политическая революция в них не попадает. Разрушающая существующую собственность революция, попадая в цель, одна является настоящей. И именно потому, что она по-настоящему ранит, от нее кричат по-настоящему. Но разве меткость — преступление? Если «на земле весь род людской чтит один кумир священный», то для революции само собою напрашивается тактика — ударить именно в этот кумир и с победной улыбкой слушать растерянные вопли и проклятия его огорченных жрецов. Пусть они, мистически возводя очи к небу, называют посягнувших на такую святыню сынами дьявола или сводят всю великую революцию к украденным серебряным ложкам. Революции им не опозлать — они расписываются лишь в узости и пошлости своего кругозора. Не краденым пользуется русский народ, а взятым.

«Взятым по праву — не по праву собственности, основанному на таких мутных источниках, а по праву вековых страданий, векового

* Ольденбург¹¹ — правый кадет. Национальный съезд состоялся летом 1921 года¹².

рабства и труда. Или делать революцию, или не делать. Как можно было думать, что народные массы возьмут власть в свои руки, оставив дворцы, банки, общественные помещения, типографии и все накопленные на народном поте богатства в прежних руках? Черный передел был неизбежен при захвате государственного аппарата. При ломке всех социальных отношений неизбежна была ломка всех прежних прав... Для социальной, экономической революции это было первой задачей» (127–128).

Коммунистов называют кучкой насильников, которые держатся только благодаря штыкам, благодаря Ч. К. и насилию. Неправда, отвечают авторы «Смены Вех».

«Вопреки утверждениям эмигрировавших публицистов, народ, часто резко критикуя советскую власть, проявляя свое недовольство ею, все же смотрит на нее, как на свою родную и смел всех, шедших на нее походом — и отчего за всю историю парламентов не было ни одного, за который народ бы заступился, кто бы их не разгонял. Советская же власть для народа — своя, понятная даже при ее ошибках, эксцессах, произволе, притеснениях... С ней у него общий язык, если хотите товарищество. Его недовольство, местные восстания, все его свары с Советской властью — семейное дело. Ведь в семье подчас летят друг другу в голову горшки и ухваты. Но никого другого на смену советской власти народ в Россию не пустит и тщетно мечтают, внимая рассказам интеллигентных беженцев, парижские москвичи: «Нас призовут» (128).

Но русская революция и выдвинутая ею советская власть сильны не только тем, что сумели крепко, прочно, привязать к себе трудовой народ. Второй источник их силы состоит в том, что на их стороне рабочие всего мира. «Россия, изнуренная и голодная, теперь стоит в сознании народных масс всего мира на небывалой высоте. Прежде страшилище для народов, оплот всех реакций, международный жандарм, она теперь ожидаемая всеми народными массами освободительница. Это факт несомненный, которого не может отрицать ни один добросовестный наблюдатель настроений народных масс в любой европейской стране» (131).

Авторы «Смены вех», все еще продолжающие стоять одной ногой в лагере буржуазного либерализма, должны, однако, признать, что народные массы всего мира любят не только советскую власть, но и партию коммунистов. «Коммунисты, — признается Бобрищев-Пушкин, — являются знаменосцами будущей жизни, трубачами объявленной социальной борьбы. За это их ненавидят, за это их любят. За это ненавидят и любят Россию, ставшую во главе того лагеря,

которому суждена победа, ибо он — будущее, а официальная Европа — прошлое. И с востока вновь сияет свет. Русский народ «в рабском виде», в муках неисчислимых страданий, несет своим измученным братьям всемирные идеалы и за них любим» (148).

При таких условиях советская власть в России так сильна, что она и только она одна — могла создать в России Красную армию и крепкую власть.

«Испытания последних лет, — пишет бывший колчаковец, профессор Устрялов, — с жестокой ясностью показали, что из всех политических групп, выдвинутых революцией, лишь большевизм... смог стать действительным русским правительством, лишь он один по слову К. Леонтьева «подморозил» загнивавшие воды революционного разлива и подлинно:

Над самой бездной.
На высоте рукой железной
Россию вздернул на дыбы.

Будущее России, говорит Бобрищев-Пушкин, «в крепких, сильных руках, а не в жалких руках тех деятелей, которые оказались недостойными власти и которые цепляются за нее без права, потому что для права на власть необходимо быть сильным» (146). «У русской государственности сейчас две трудные задачи — те, которые стоят перед всякой государственностью: сдерживать натиск извне иноземных сил, сдерживать внутри натиск анархических, центробежных сил. Справляется ли власть с этими задачами? Справляется. Значит, она настоящая государственная власть. Поддерживают ли ее противники — эти обе антигосударственные силы? Поддерживают. Значит, они являются противниками русской государственности» (146–147).

А вот характеристика Красной армии:

«По статьям белых социалистов Красная армия далеко не плоха. Она доказала это многими упорными кампаниями и боями, например, в ледяной воде у взятого в три дня неприступного Перекопа... Если бы она не была боеспособна, с ней легко бы справились: Деникин был в Москве, а Пилсудский — в Киеве. И кичливые уверения, что достаточно одной регулярной дивизии, чтобы гнать ее, той же пробы, как уверения о скором падении советской власти».

Западноевропейские государства не признают советской власти. «Признают или не признают, — говорит Бобрищев-Пушкин, — а трехмиллионной армии все-таки нет ни у одного европейского государства. Этого уж не признать нельзя» (144).

Громадные заслуги советской власти перед народом, проистекающая отсюда крепкая связь с ним и горячее, все более растущее, действенное сочувствие к русской революции пролетариата всего мира привели к тому, что Россия отбила все натиски белогвардейских генералов и поддерживавших их империалистов Запада. Теперь борьба окончена. Все карты белогвардейщины биты. Победа русской революции вполне определилась. Дальнейшая борьба против революции бесполезна и бессмысленна.

На всем протяжении книги авторы ее часто и настойчиво повторяют эти положения. Приведем несколько цитат.

«Гражданская война проиграна окончательно. Россия давно идет своим, не нашим путем. Кризис кончился. Положение определилось. Или признайте эту ненавистную вам Россию, или оставайтесь без России, потому что «третьей России» по вашим рецептам нет и не будет» (91).

Гражданская война кончена, «потому что невозможна интервенция»* и потому, что белой армии не существует. Пока есть лотерейный билет, можно надеяться выиграть. Нет билета, нет и надежды на выигрыш. Мы тщетно бы искали во всяких статьях и речах ответа на вопрос: какую механическую силу может быть свергнута Советская власть по мнению ее противников». «Прежде тут были реальные возможности: интервенция, белая армия. Они отпали. Не может быть надежды на интервенцию после определившейся позиции рабочих и солдат любой страны — после одесского возмущения французских солдат, отказа рабочих грузить снаряды для Врангеля и для поляков, позиции английской рабочей партии и т. д.».

Некоторые контрреволюционеры надеются на взрыв изнутри, на свержение большевистской власти путем восстаний крестьян. Мы уже видели, что авторы сборника называют эти восстания семейными ссорами Советской власти с крестьянами. «Проклинайте эту подлинную деревню, как исчадие тьмы, — говорит Бобрищев-Пушкин, — или смотрите на нее, как на будущую творческую силу, но оплота для переворота в пользу парламентаризма и демократии в ней нельзя никак усмотреть.

Да и что может дать свержение советской власти, если бы оно даже и удалось. Ничего, кроме несчастья, анархии, разорения и гибели

* Мы только излагаем содержание сборника «Смены Вех». Со многими положениями ее согласиться мы не можем. В частности, по вопросу об интервенции мы думаем, что попытки интервенции далеко еще не прекратились. Но мы также думаем, что оканчиваться они будут победой советской власти.

России. Интервенция бывших союзников? «Но разве не показали они всей своей политикой, что их главная забота — приспособиться к факту отсутствия России в сонме великих держав... Франция, усердно поддерживающая врагов России и ведущая политику расчленения России, думает лишь о том, как бы вернуть следуемые ее мещанам миллиарды» (154). Успех интервенции дал бы страшные плоды. «Россия превратилась бы в колонию, в свалку плохо лежащих богатств, которых не в силах были бы защитить вернувшиеся чудом из-за границы в Россию к власти обанкротившиеся правители».

Внутри страны в случае падения советской власти, наступит хаос, анархия. «Другой власти быть не может — никто ни с чем не справится, все перегрызутся. Относительно того, что никто ни с кем не справится, дало предметный урок Временное правительство, составленное из самых лучших популярных лидеров всех либеральных партий, из лучших людей интеллигенции. Относительно того, что все перегрызутся, дала предметный урок эмиграционная политическая свара. Одна советская власть, против которой были: всемирная коалиция, белые армии, занявшие три четверти русской территории, внутренняя разруха, голод, холод и увлекавшая Россию в анархию сила центробежной инерции, — сумела победить все эти исторически беспримерные затруднения» (100).

Кто может прийти на смену большевикам? Наша белогвардейская эмиграция. Но это — враги России, радующиеся ее страданиям. «На берегах Босфора, в гостеприимных славянских странах, в шикарном зале отеля Мажестик¹³ в Париже русские смакуют вести о холере, о голоде в России, обсасывают сладострастно миллионные цифры гибнувших и к ужасным фактам любовно добавляют еще более ужасный вымысел» (160). Духовно гниет интеллигенция, находящаяся за границей. «Общность беженства, общность предшествовавших ему переживаний наложили на эту часть интеллигенции тяжкую... печать духовного отчуждения от родины, заразили ее психологией чисто буржуазной. Притом психологией буржуазии специфически русской — жадной, но ленивой, не привыкшей к самодеятельности и трусливой. Все отдавшей и бежавшей при опасности: мечтающей вернуться, чтобы все потребовать обратно, когда опасность минует».

«Когда большевиков не будет, высчитывает промышленник и определенно заявляет: мы должны быть на фабриках полными хозяевами» (171).

Может быть на смену большевикам могут прийти и спасти Россию эс-эры, меньшевики и прочие «умеренные социалисты»? Вот характеристика этих людей, которую дает профессор Ключников.

«Непрактичные, недисциплинированные, хаотичные по натуре и по историческому воспитанию — такие, каковы они есть, они призваны лишь поддерживать русский хаос и русское государственное разложение» (26). «С их помощью нельзя ни автоматически управлять массами, ни увлекать их, ни подчинять их. При их господстве не может быть ни революции, ни контрреволюции, ни тем более искомого ими среднего. Сплошное ни то, ни се. Какие-то Буридановы ослы в роли вершителей исторических судеб» (25).

«Заметив, что революция отвергается от них, они обиделись на нее... Испуганные тем, что революция все более и более устремляется влево, они машинально бросились вправо и очутились в радостных объятиях своих недавних противников: промышленников, помещиков, генералов. Одним, как Бурцеву и Алексинскому, новая кампания пришлась вполне по душе и теперь они не всякого еще генерала подпустят к себе. Другие то и дело разыгрывают сценки и трюки из старинных водевилей: поцелуются и тут же плюнут — опять поцелуются и опять плюнут. А ведь все-таки целуются». «Их программы давным давно потеряли всякий революционный привкус и превратились в одно из многих революционных недоразумений... Их песня спета еще 27 октября 1917 года» (43–44).

«Поэтому: нет никого, кто был бы в состоянии взять в свои руки после большевиков тяжкий меч власти» (98).

Из всего этого анализа положения, который мы привели возможно полнее, хотя далеко-далеко не исчерпав имеющегося в книжке материала, авторы ее делают вывод: «Пока эмиграция гадает, скоро ли погибнет советская власть, советская власть может рассчитать довольно точно, скоро ли погибнет эмиграция. Вырванные с корнем из родной земли растения не могут не засохнуть... Вся такая эмиграция погибнет в несколько лет, если не воссоединится с родиной» (93). Интеллигенция должна примириться с советской властью. «Еще осталось немного времени для мира... А после окончательного распада эмиграции советской власти и мириться будет не с кем... Мир нужен ей (интеллигенции), а не России. Россия уже справилась» (143).

И находящаяся в России интеллигенция много виновата в разрухе России. Ее вину, по словам Ю. Потехина, составлял «саботаж, а затем сотрудничество чисто пайковое, работа, насквозь проникнутая психологией лени и распушенности» (170).

Поэтому говорит С. Чахотин: «Мы не боимся теперь сказать: Идем в Каноссу. Мы были неправы. Мы ошиблись. Не побоимся же открыто и за себя и за других признать это» (159).

«Домой. В Россию. С сознанием, что перестроить ее посветлее и попросторнее можно только, считаясь с главным строительным материалом — «народом», — говорит Ю. Потехин.

А в России жизнь открывает «широкие ворота для практической работы на пользу России».

Итак, авторы сборника признают свои прошлые ошибки и идут на примирение с революцией, с советской властью, с большевиками. Но они идут еще дальше.

Говоря местами по старой либеральной привычке о будущем расцвете либерализма, они в то же время начинают признавать и мировую социалистическую революцию. Мы привели пару выписок, где ярко выражается мысль, что мы переживаем теперь великую социалистическую революцию, которая победоносно обойдет весь мир.

* * *

Выше отмечено, что авторы «Смены Вех», подобно всей остальной контрреволюционной интеллигенции, во многом стоят еще на почве старых веховцев. Психология старой интеллигенции, которая после революции 1905 года перешла в лагерь буржуазии, ею еще не изжита. А между тем теперь часть этой интеллигенции начинает прокладывать новые вехи на пути, по которому интеллигенция должна уйти из лагеря буржуазии в лагерь революции, социализма. В чем причины этого нового явления, этого нового перехода?

Мы указали выше, что в период восходящего движения капитализма, в то время, когда он развивает производительные силы общества, интересы интеллигенции совпадают с интересами буржуазии, ибо каждый шаг по пути развития капитализма расширяет сферу приложения труда интеллигенции.

Теперь мы видим не то. С трудом окончив три года тому назад мировую войну, буржуазия никак не может наладить экономическую жизнь. Промышленная жизнь всего мира замерла. На почве, истощенной войной, вспыхнул жестокий промышленный кризис, конца которому не видать. Производительные силы всех стран мира не развиваются, а сокращаются. Армия безработных растет. Фабрики и заводы закрываются. Поле приложения труда интеллигенции сокращается.

Летом мы видели грандиозную всеобщую стачку горнорабочих всей Англии, бастовавших более трех месяцев. За то же время и позже был ряд стачек углекопов в Германии (Силезия), во Франции,

в Польше и т. д. Казалось бы, запасы угля должны были истощиться и начаться бурный подъем угольной промышленности. А в действительности теперь, перед наступлением зимы мы видим, что в Англии опять громадный избыток угля; мы видим, что английские угольные шахты закрываются.

Непрерывная волна забастовок во всех отраслях промышленности обходит весь мир. Производство сокращается, а конца кризису не видать конца. Сокращается всюду торговля, сокращается вывоз товаров.

Так же плохо обстоит дело и в области политической. Мировая война окончилась, но она создала ряд новых конфликтов, которые приводят к ряду нескончаемых новых войн. А впереди опасность новой неизбежной мировой войны, которая разорит мир еще сильнее.

Капитализм не может справиться со всеми этими трудностями. Он завел мир в тупик, из которого один выход — пролетарская революция. Дальнейшее существование капитализма ведет не к развитию, а к сокращению производительных сил, не к расширению, а к уменьшению арены применения труда интеллигенции.

Капитализм вступил на нисходящую линию своего развития, и на этой линии интересы интеллигенции перестают совпадать с интересами буржуазии. Интересы интеллигенции влекут ее к тому классу, который в силах построить новое общество, в силах поднять падающие производительные силы, снова расширить поле для применения труда интеллигенции.

Пролетариат, стоящий во главе советской власти, поставил перед революцией в этом отношении великие цели. Он хочет довести до небывало высоких размеров образование народа, организовать широкую медицинскую помощь, национализировать все производство. Для выполнения всего этого нужны громадные силы интеллигенции. Только разруха да уход интеллигенции от работы мешают революции выполнить свои задания.

Правильно понятые интересы интеллигенции должны привести ее теперь из стана погибающей буржуазии в лагерь победоносной революции. Этот переход и намечают своими вехами авторы сборника «Смена Вех».

Я отмечал выше, что авторы этого сборника во многом стоят близко к идеологии старых веховцев. И эта близость в некоторых пунктах помогает им — как это ни кажется парадоксальным — новый переход*.

* От редакции. Редакция оставляет за собой право иначе подойти к этому интересному и сложному вопросу¹⁴.

Для интеллигента-западника непереварима мысль, что темная, нищая Россия по пути к социализму оказалась впереди просвещенных стран Запада. Всю жизнь они привыкли думать, что свет шел, идет и долго еще будет идти с Запада. Оттуда же могла прийти и революция. А от авторов нового сборника сильно пахнет славянофильством. Для них приемлема мысль, что свет революции может засиять на Востоке. Так они и говорят: «С Востока свет».

Трудно понять горделивому уму интеллигента, как рабочие и крестьяне без их просвещенного руководства могли совершить революцию, построить новую государственную машину, четыре года отбивать натиск, в котором объединились силы интеллигентов, сильных своими знаниями, генералов и офицеров с их знанием военного дела и буржуазии всего мира, усердно помогавшей контрреволюции своими богатствами, своей промышленностью, своей техникой. Для интеллигенции — это явление непонятное, мистическое. И авторы нового сборника склонны к мистике. Тот мистический туман, которым они одевают революцию, помогает им помириться с нею.

Веховцы были националистами. Это было националистическое крыло русской интеллигенции. Авторы «Смены Вех» сохранили в значительной степени свою националистическую окраску.

Советская власть мужественно, геройски защищала Россию от натиска иностранного капитала, стремившегося превратить ее в колонию. Советская власть борьбой своей достигла того, что сгруппировала вокруг своего знамени, вокруг изолированной, разоренной России рабочие массы всего мира. Она достигла того, что оружие, направленное в грудь советской России, ломается при одном соприкосновении с ней или даже обращается против того, кто его направил. Никогда еще Россия не пользовалась такой любовью и уважением в рядах трудящихся всего мира.

Эта сторона деятельности советской власти привлекает внимание националистически настроенных авторов «Смены Вех». Им кажется, что вся политика Советской власти националистична, что Россия превращает даже III Интернационал в свое орудие. «Проходит пора, когда Россия служила целям III Интернационала», — пишет Ю. Потехин. «III Интернационал начинает быть сильным орудием в достижении национальных целей России. Нигде это не выразилось так отчетливо, как на Востоке... Русское влияние в Малой Азии, Персии, а отчасти и в Индии, русская радиостанция и русские военные инструктора на «крыше света» в Афганистане — реальный факт, крупное достижение России».

Еще оригинальнее выражается национализм у Н. В. Устрялова, который пишет:

«Над Зимним Дворцом, вновь обретшим гордый облик подлинно великодержавного величия, дерзко развевается Красное знамя, а над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую исторически-национальную святость, древние куранты играют Интернационал». Это, конечно, коробит национальное чувство наших великодержавников и националистов. Но Устрялов говорит, что у него в душе невольно рождается вопрос:

«Красное ли знамя безобразит собой Зимний дворец или, напротив, Зимний дворец красит собой Красное знамя. “Интернационал” ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота или Спасские ворота Кремлевским веянием влагают новый смысл в «Интернационал» (56).

При таком понимании одна из главных заслуг советской власти и революции состоит в том, что они подняли славу, престиж и влияние России.

Поэтому «наши внуки на вопрос «чем велика Россия», по словам Устрялова, с гордостью скажут: Пушкиным и Толстым, Достоевским и Гоголем, русской музыкой, русским Петром Великим и великой русской революцией» (56).

Наоборот, русская контрреволюция все время пресмыкалась перед Антантой, она предавала ей Россию. Во время войны, благодаря Врангелю, Польша избежала поражения. Этого наши национал-большевики не могут простить контрреволюции. Если бы контрреволюции удалось бы, говорят они, то «Россия превратилась бы в колонию, в свалку плохо лежащих богатств» для победивших ее хищников мирового империализма. «Русская эмиграция, — говорят они, — стала рабой всякого стоящего хотя бы на низших ступенях иноземной власти — солдата, бьющего ее на улицах Константинополя, надсмотрщика в африканской пустыне, любого, издевающегося над ее хлопотами о визах наглеца в канцелярии».

Буржуазная интеллигенция была националистична, она вздыхала по крепкой сильной власти, по Великой России, ибо в период капитализма это было нужно ей в ее классовых интересах. Она шла за буржуазией, за контрреволюцией, пока думала, что те могут обеспечить такую роль и такое положение для России. Но буржуазия пришла в эпоху упадка: она бессильна, она предает и унижает Россию, и Советская власть делает Россию сильной, и имя ее славным. Это и побуждает национал-большевиков уходить от контрреволюции к Советской власти.

Есть французская пословица: «On a les défauts de ses qualités». Достоинства имеют свои недостатки. По отношению к авторам «Смены

Вех» пословицу эту надо перевернуть. «On a les qualites de ses defauts». Их недостатки имеют достоинства. Национализм, стремление к великодержавности, отрыжка славянофильства — все это их отрицательные качества, их недостатки. Но они-то и помогают им уйти из лагеря контрреволюции. Они делают из них пролагателей вех для этого перехода. Их можно назвать национал-большевиками.

Национал-большевики уходят из лагеря буржуазии. Но они еще не ушли окончательно оттуда. Одной ногой они все еще стоят в буржуазном лагере. На одной странице они превозносят Советскую власть и коммунистов, на другой — вскользь, иногда, ругают последних. В одном месте они говорят, что наша революция — социалистическая революция, что она победоносно обойдет весь мир, что буржуазная культура уже рухнула. В других местах они предвидят в будущем яркое развитие либерализма, говорят, что задача революции — «преодолеть коммунизм».

В книге читатель найдет много противоречий. Их источник — промежуточное положение авторов книги. Они ушли из одного стана, но не пристали еще к другому.

Жизнь учит национал-большевиков. Под влиянием ее уроков они уже проделали крупную работу переделки своего мирозерцания. Жизнь будет продолжать учить их. Уйдя из буржуазного лагеря, они перестают подвергаться его влиянию. Они приблизились к пролетарскому стану, и его влияние будет расти. Надлом в их старом мирозерцании слишком велик. Эту трещину не замажешь. Наоборот, она будет расти, шириться, углубляться.

С другой стороны, буржуазные пережитки их мирозерцания делают их более понятными для интеллигенции, которая сама страдает теми же недостатками. Эта интеллигенция неспособна вступить сразу в лагерь коммунизма, но она может занять промежуточную, более ей понятную позицию авторов «Смены Вех». Поэтому национал-большевики будут оказывать на интеллигенцию глубоко разлагающее влияние. Все новые и новые отряды интеллигенции будут уходить из лагеря контрреволюции и пойдут по пути, который авторы книги обставляют теперь своими вехами.

Если бы авторы «Смены Вех» не имели указанных выше недостатков, если бы они сразу выступили коммунистами, то единственным результатом этого было бы то, что в лагере коммунистов прибавилось бы несколько талантливых людей. Их книга имела бы только литературный интерес. Теперь же ее значение большее. Теперь она представляет крупное не только литературное, но и политическое явление.